

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е.И. Ловягин

Лингвистические основания
различия языков человеческих

Опубликовано:
Христианское чтение. 1879. № 3-4. С. 459-488.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Лингвистическія основанія различія языковъ человѣческихъ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи С.-Петербургской Духовной Академіи 18-го Февраля 1879 года заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Академіи Е. И. Ловягинымъ).

*Пресвященныя архипастыри и
милостивые государи!*

Въ настоящемъ собраніи я позволю себѣ обратить ваше просвѣщенное вниманіе на одинъ изъ предметовъ, входящихъ въ кругъ моихъ собственныхъ занятій, — на лингвистику. Лингвистика или глоттика, наука не очень давно отдѣлившаяся отъ общей филологіи, имѣетъ своимъ предметомъ языкъ человѣческій и разсматриваетъ его не какъ средство для объясненія литературныхъ произведеній въ связи съ цивилизаціею народовъ, но какъ прямую цѣль своихъ изслѣдованій, какъ нѣчто цѣлое, одушевленное своею жизнію и развивающееся по своимъ законамъ; она отыскиваетъ эти законы, лежащіе въ основаніи всѣхъ явленій языка и притомъ не одного какого-нибудь, но языка вообще во всѣхъ его видахъ и формахъ, разсуждаетъ объ его происхожденіи, объ отношеніи его къ говорящимъ субъектамъ, о сходствѣ и различіи языковъ и о другихъ вопросахъ, касающихся языка самого въ себѣ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ. Для лингвистики всѣ языки человѣческіе дороги, отъ самаго неразвитаго говора готтентотовъ до изящныхъ нарѣчій высоко-цивилизованныхъ народовъ; — всѣ живы, какъ тѣ, которые нынѣ служатъ для разумнаго общенія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ націй, такъ и тѣ, которые давно не

употребляются въ народной рѣчи, а только слѣды ихъ остаются въ какихъ-нибудь древнихъ памятникахъ, надписяхъ и едва доступныхъ для изслѣдованія знакахъ. Собирая, сравнивая и разлагая элементы и формы языковъ и выводя свои заключенія о значеніи ихъ въ составѣ и ростѣ общечеловѣческаго языка, лингвистика доставляетъ важныя и интересныя результаты и уже успѣла пріобрѣсти себѣ почетное мѣсто въ ряду другихъ наукъ такъ называемыхъ точныхъ и положительныхъ, хотя по громадной обширности и многосложности своего неосязяемаго предмета и по трудности встрѣчающихся ей вопросовъ иногда не избѣгаетъ нѣкоторыхъ уклоненій отъ прямого пути, ошибокъ и погрѣшностей. Все это мы можемъ видѣть, если напримѣръ обратимъ вниманіе на основанія, которыя принимаются въ этой наукѣ для объясненія различія существующихъ языковъ и на выводимыя изъ нихъ заключенія.

Одна изъ важнѣйшихъ задачъ лингвистики состоитъ въ томъ, чтобы установить существенное различіе между всѣми языками человѣческими, раздѣлить ихъ по родамъ и семействамъ такъ, чтобы не смѣшивать ихъ характеристическихъ особенностей и знать дѣйствительное отношеніе ихъ другъ къ другу¹⁾. Этого можно достигнуть не иначе, какъ отыскавъ основныя черты различія, которыя сохраняются въ языкахъ не смотря на ихъ взаимныя смѣшенія и перекрещиванія. Между тѣмъ наукѣ языковѣдѣнія при началѣ дѣла представлялись прежде всего не эти коренныя отличія языковъ, скрывавшіяся въ ихъ глубокихъ основахъ, но уже готовыя многочисленныя нарѣчія, отчасти сходныя, отчасти несходныя между собою; и потому ей предстояло—мало по малу посредствомъ анализа и индукціи дѣлать высшія и высшія обобщенія частныхъ и среди обобщеній замѣчать болѣе и болѣе выдававшіяся отличія, чтобы достигнуть до самыхъ основныхъ и послѣднихъ. Какой

¹⁾ Н. Steintal, Charakteristik der hauptsächl. Typen des Sprachbaues. Berl. 1860. S. 4.

огромный трудъ должно было составить правильное и точное раздѣленіе языковъ, это можно понять, представивъ все необъятное разнообразіе человѣческихъ говоровъ, распространенныхъ по всему земному шару отъ начала говорящихъ личностей до настоящаго времени, и сколько вѣковъ умъ человѣческій, достигнувъ успѣховъ въ другихъ областяхъ знанія, не былъ въ состояніи разсѣять мракъ въ этомъ словесномъ хаосѣ. Но въ послѣднее полстолѣтіе наука овладѣла тѣми средствами, которыя дали возможность разобрать дивное смѣшеніе языковъ, отмѣтить сходство между одними изъ нихъ и различіе между другими. Наука языковѣдѣнія уже слишкомъ далеко отстоитъ отъ того времени, когда каждый отдѣльный народъ считалъ дѣйствительно говорящимъ только самого себя, а всѣхъ прочихъ людей называлъ безъязычными варварами (*ἄγλωσσοι*), нѣмцами или вельшами (*Welsch*), не смотря на произносимые ими членораздѣльные звуки; она отыскала средство между такими говорами, которыхъ сходства древній грекъ, славянинъ или германецъ, не могъ бы представить безъ удивленія. Она довольно далеко и отъ того времени (XVII и XVIII в.), когда всѣ языки міра считались собственно однимъ языкомъ, получившимъ по географическимъ мѣстностямъ и народностямъ разнообразныя виды, для которыхъ нужно только найти между ними же общаго ихъ родоначальника, чтобы привести ихъ къ единству. Одного общаго первоначальнаго языка (*Ursprache*), которымъ бы говорили прародители человѣчества, нѣтъ нигдѣ на землѣ, по убѣжденію нынѣшней лингвистики; предъ нею стоятъ отдѣльныя группы языковъ, которыя должны были имѣть своихъ родоначальниковъ (вторичныя *Ursprachen*), но и эти послѣдніе также не существуютъ конкретнымъ образомъ, а только могутъ быть приблизительно опредѣлены посредствомъ абстракціи изъ всѣхъ происшедшихъ отъ нихъ языковъ, изъ которыхъ каждый, принадлежа той или другой семейной группѣ, напр. индо-европейской или семитической, не можетъ считаться общимъ родоначальникомъ семейства, а относится къ другимъ подобнымъ, какъ братъ къ братьямъ, сыновьямъ одного

отца или дочерямъ одной матери ¹⁾). Такіе результаты выработаны лингвистикою послѣ тщательнаго сравнительнаго изученія всѣхъ видовъ человѣческой рѣчи и открытія существеннаго различія между ними, на основаніяхъ, изслѣдованныхъ и оцѣненныхъ какъ съ отрицательной стороны, такъ и положительной.

1) Существенное различіе языковъ опредѣляется не на основаніи внѣшняго цѣльнаго вида словъ и выраженій, т. е. обыкновенныхъ звуковыхъ сочетаній, которыми говорящій тѣмъ или другимъ языкомъ выражаетъ свои мысли и чувствованія. Произносимыя слова могутъ казаться различными, а въ сущности — быть одинаковыми. Представимъ, что два человѣка, вступивши въ разговоръ между собою, не понимаютъ другъ друга. Съ перваго взгляда можно приписать взаимное ихъ непониманіе различію въ ихъ языкахъ; но для науки одного этого признака отнюдь недостаточно, чтобы признать употребляемые ими говоры существенно различными. Невразумительность рѣчи одного для другаго человѣка часто происходитъ отъ такихъ поверхностныхъ и случайныхъ причинъ, отъ которыхъ неосновательно было бы заключать къ кореннымъ свойствамъ языка. Одни и тѣже слова у различныхъ людей могутъ получить различные оттѣнки произношенія, вслѣдствіе фізіологическаго состоянія ихъ словесныхъ органовъ, препятствующаго правильно произносить одному шипящія буквы, другому зубныя, третьему гортанныя, или вслѣдствіе привычки — употреблять въ словахъ то придыхательныя согласныя вмѣсто буквъ тонкихъ, то твердыя вмѣсто плавныхъ и наоборотъ, или однѣ гласныя буквы вмѣсто другихъ при одинаковыхъ согласныхъ. Извѣстно, что не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя націи не выговариваютъ нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ и этотъ недостатокъ замѣняютъ другимъ классомъ согласныхъ, отъ чего два сродныхъ языка могутъ казаться различными. Фізіологическія и другія внѣшнія причины, лежащія въ

¹⁾ М. Мюллеръ. Лекціи по наукѣ о языкѣ. Спб. 1865. Лекц. 5 и 8.

основаніи этихъ явленій, могутъ производить и дѣйствительно произвели множество различныхъ не языковъ, а діалектовъ языка, нарѣчій и поднарѣчій, которыхъ напримѣръ въ одномъ новогреческомъ насчитывается до 70, во французскомъ до 14, въ итальянскомъ до 20 и т. д. ¹⁾). Кромѣ того каждый живой языкъ подлежитъ постоянному развитію и безпрестаннымъ измѣненіямъ во внѣшнемъ построеніи своихъ словъ; каждый языкъ имѣетъ свою исторію, непрестанно измѣняющую его видъ и направляющую естественный ростъ его къ неограниченному разнообразію. Одинъ изъ самыхъ главныхъ выводовъ лингвистическихъ изслѣдованій новѣйшаго времени состоитъ въ томъ, что ни одинъ языкъ не представляетъ собою чего-либо постоянного и неизмѣнимаго, но, видоизмѣняясь съ теченіемъ времени, получаетъ различные виды въ своемъ историческомъ развитіи вслѣдствіе разнообразныхъ условій жизни говорящаго имъ народа. Письменность и литература, эти средства обобщенія мыслей и вмѣстѣ словъ, даютъ нѣкоторую устойчивость той формѣ рѣчи, которая господствуетъ въ данное время; но и при существованіи письменности слова и выраженія въ устахъ народа всегда представляютъ рѣзкія отъ ней различія и никогда не перестаютъ измѣняться, хотя и продолжаютъ принадлежать одному и тому же языку; а между народами, стоящими внѣ вліянія литературы, напр. африканскими, индійскими и американскими нецивилизованными племенами, безпрестанно образуется такъ много мѣстныхъ особенностей рѣчи одного и того же языка, что даже сношеніе между ними самими иногда дѣлается затруднительнымъ ²⁾). Вообще послѣ извѣстныхъ четырехъ положеній знаменитаго лингвиста Макса Мюллера, что а) одно и то же слово принимаетъ различныя формы въ различныхъ языкахъ; б) одно и то же слово принимаетъ различныя формы въ одномъ и томъ же языкѣ; в) различныя

¹⁾ Отъ различныхъ способовъ произношенія однихъ и тѣхъ же словъ, напр. Еразмова и Рейхлинова въ отношеніи къ греческому, одинъ языкъ можетъ показаться двумя различными.

²⁾ М. Мюллера, ук. соч. Лекц. 2. стр. 39.

слова принимаютъ одинаковую форму въ различныхъ языкахъ и г) различныя слова принимаютъ одинаковую форму въ одномъ и томъ же языкѣ,—послѣ этихъ положеній, доказанныхъ множествомъ примѣровъ ¹⁾, не можетъ быть сомнѣнія, что еслибы лингвистика приняла за основаніе раздѣленія языковъ внѣшній видъ словъ въ ихъ цѣльныхъ звукосочетаніяхъ, то она рѣшительно не выполнила бы своей задачи и должна была бы ограничиться заявленіемъ, что на земномъ шарѣ существуетъ безчисленное множество разнообразныхъ человѣческихъ говоровъ. Между тѣмъ всѣхъ языковъ, существенно отличныхъ другъ отъ друга, не безчисленное множество, а довольно ограниченное число, и всѣ они группируются около своихъ родовыхъ центровъ—индо-европейскаго, семитическаго, туранскаго и индо-китайскаго, которыхъ различіе опредѣляется признаками не внѣшними и непрестанно измѣняющимися, но болѣе глубокими и прочными.

2) Подъ внѣшнею оболочкою цѣльныхъ словъ скрываются двѣ главныя части ихъ—грамматическая и лексикальная, т. е. грамматическія формы словъ, состоящія изъ производныхъ и флексивныхъ приставокъ и выражающія разныя отношенія между основными представленіями, и затѣмъ корни словъ, выражающіе эти основныя представленія и остающіеся по отдѣленіи всѣхъ грамматическихъ приставокъ. Та и другая части совершенно необходимы въ живой рѣчи и тѣсно связаны между собою; потому что, какъ предметы мышленія всегда находятся въ какомъ-нибудь отношеніи къ другимъ предметамъ, такъ и коренныя части словъ, означающія эти предметы, въ конкретныхъ выраженіяхъ всегда сопровождаются формами отношеній. Въ научномъ же анализѣ эти части могутъ быть разсматриваемы отдѣльно, и большее или меньшее значеніе ихъ въ лингвистическихъ вопросахъ можетъ быть опредѣляемо различно. Такъ и въ классификаціи языковъ вопросъ о томъ, какая изъ составныхъ частей конкретныхъ словъ, лексикальная или грамматическая, корни

¹⁾ М. Мюллера новый рядъ чтеній по наукѣ о языкѣ. Ворон. 1868 г. Лекц. 6.

или суффиксы, имѣютъ преимущественную и существенную важность, составляетъ предметъ разногласія между учеными языковѣдами ¹⁾. Тѣ, которые отдають предпочтеніе суффиксамъ, иначе сказать, грамматической части словъ или формальнымъ элементамъ рѣчи, утверждаютъ, что эти формы для языка, какъ органическаго цѣлаго, составляютъ такіе существенные органы, въ которыхъ и чрезъ которыхъ онъ обнаруживаетъ всю свою жизнѣдѣтельность и достигаетъ своей цѣли, такъ что пока живутъ эти формы, долѣ живеть и языкъ, а когда онѣ разрушаются, то и онъ прекращаетъ свою самостоятельную жизнь, хотя бы все матеріальное его содержаніе сохранилось въ какомъ-нибудь другомъ или вновь образовавшемся организмѣ языка; и потому онѣ составляютъ если не единственное, то существеннѣйшее основаніе для сравнительнаго изученія и распредѣленія различныхъ языковъ. Но противъ этого можно сказать, что грамматическія формы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ намъ извѣстны и въ которомъ онѣ представляются не болѣе, какъ символическими знаками отношеній, принадлежатъ только нѣкоторымъ языкамъ, обладающимъ способностію къ флексивному построенію рѣчи и выработавшимъ себѣ опредѣленную грамматику, преимущественно индо-европейскимъ; другіе же языки, составляющіе три четверти, а можетъ быть и большую часть всѣхъ языковъ міра, не имѣютъ словообразовательныхъ и флексивныхъ приставокъ въ такой формѣ, но замѣняютъ ихъ другими свойственными имъ способами выраженія отношеній между предметами. Очевидно, что для сужденія объ этихъ послѣднихъ языкахъ не можетъ служить такая мѣра сравненія, которая къ нимъ не приложима. Кромѣ того эти самыя грамматическія формы, бывъ разсматриваемы въ ихъ историческомъ развитіи, получаютъ совсѣмъ иное значеніе, нежели какое имѣютъ онѣ теперь въ языкахъ флексивныхъ. Лингвистика, анализируя словообразовательныя и флексивныя приставки и изслѣдуя ихъ происхожденіе, пришла къ убѣжденію, что почти всѣ онѣ суть

¹⁾ Fried. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft. Wien. 1876. S. 59.

не что иное, какъ бывшіе самостоятельными словесные корни, которые съ теченіемъ времени болѣе и болѣе видоизмѣнялись, сокращались, искажались и наконецъ въ извѣстныхъ языкахъ дошли до состоянія простыхъ символовъ формальныхъ отношеній. Такъ, на примѣръ, доказано, что приставки существительныхъ и прилагательныхъ именъ: въ нѣмецкомъ языкѣ—*thum* (отъ древняго германскаго *lum*, сужденіе), *schaft* (отъ древняго германскаго *schaft*—свойство), *bag* (отъ германскаго корня *bag*—приносить), *heit* (отъ готскаго *heit*—способъ), *lich* (отъ готскаго *leik*—образъ, подобіе); въ греческомъ—*ειδης*, *εργος*, *φορος*; въ латинскомъ—*feh*, *srex*, *dicus*, *ficus*; въ русскомъ—инъ (отъ одинъ), ликъ (подобно нѣм. *lich*), вичь (отъ древне-славянскаго *ипть*—дѣтишь) и др., равно какъ и глагольныя приставки: въ нѣмецкомъ *le* (отъ готскаго *la* или *that* дѣлать); въ греческомъ *σα*, *σω* (отъ санскритскаго *as-mi*—есмы), *θη* (отъ санск. *dhā*—дѣлать); въ латинскомъ—*bam*, *bo* (отъ санск. *bhu*—быть, дѣлаться); въ славянскомъ—ся (отъ себя), си или ши (отъ еси) и т. под., произошли отъ коренныхъ созвучныхъ словъ или, лучше сказать, сами были нѣкогда знаменательными словами ¹⁾. За приведеніемъ этихъ формъ къ первоначальному ихъ виду остается очень немного самыхъ краткихъ грамматическихъ суффиксовъ такъ называемыхъ прономинальныхъ и адвербіальныхъ, — служащихъ для означенія родовъ, чиселъ и падежей въ именахъ, также чиселъ и лицъ въ глаголахъ, — которыхъ самостоятельное употребленіе доселѣ не доказано несомнѣннымъ образомъ; но, по примѣру прочихъ суффиксовъ и по аналогіи съ другими не-флективными языками, въ которыхъ подобныя формальныя отношенія означаются самостоятельными коренными словами, предполагается, что и они также составляли отдѣльныя слова, получившія видъ формальныхъ приставокъ въ глубокой древности, при самомъ началѣ образованія семейства индо-европейскихъ языковъ. Такимъ

¹⁾ Die Sprachwissenschaft. Wittney's Vorlesungen, bearbeit. von Jolly. Münch. 1874. S. 86 и д. М. Мюллера. Лекц. по наукѣ о языкѣ. Спб. 1865. Лекц. 6.

образомъ грамматическія формы сами собою указываютъ на преимущественную важность корней даже въ тѣхъ языкахъ, гдѣ они имѣютъ свое значеніе, а тѣмъ болѣе не могутъ служить основаніемъ для опредѣленія существеннаго различія всѣхъ языковъ міра. „Въ системѣ грамматическихъ формъ и связанномъ съ нею построеніи предложеній, — говоритъ нѣмецкій лингвистъ Гейзе, — мы узнаемъ степень мыслительной способности, логику народа, большую или меньшую остроту и ясность логическаго смысла и болѣе или менѣе удачное выраженіе мысленныхъ формъ въ формѣ словесной (т. е. въ языкахъ флексивныхъ); но съ этой стороны еще нельзя представить окончательной классификаціи языковъ“¹⁾. — Другіе лингвисты, которые отдаютъ предпочтеніе корнямъ, иначе сказать, этимологической части словъ или вещественнымъ элементамъ рѣчи, указываютъ на особенную важность корней, какъ главныхъ носителей представленій о предметахъ, выраженныхъ членораздѣльными звуками, какъ необходимыхъ основаній, къ которымъ примыкаютъ всѣ формальныя опредѣленія и безъ которыхъ нельзя представить самаго существованія языка, и потому утверждаютъ, что согласіе корней въ какихъ-либо языкахъ служитъ доказательствомъ взаимнаго сродства ихъ, а несогласіе — доказательствомъ несродства и существеннаго различія. Но при всей справедливости этихъ сужденій о важности корней въ каждомъ языкѣ порознь, значеніе ихъ самихъ по себѣ при сравненіи всѣхъ языковъ между собою не можетъ быть признано столь безусловнымъ. Не говоря о трудности, съ какою вообще извлекаются чистые и несомнѣнные корни изъ конкретныхъ словъ, значеніе ихъ въ настоящемъ вопросѣ ослабляется слѣдующимъ соображеніемъ: всякій словесный корень, состоящій обыкновенно изъ односложнаго комплекса членораздѣльныхъ звуковъ, означая какой-либо предметъ, сдѣлавшій впечатлѣніе на мыслящаго человѣка, выражаетъ не весь этотъ предметъ и даже не все мысленное содер-

¹⁾ System der Sprachwissenschaft. Berl. 1856. Въ русск. перев. «Филолог. Записки». Ворон. 1864. Вып. IV, стр. 295. стр. 204.

жаніе, какое имѣеть человѣкъ о предметѣ, а только какую-нибудь одну его сторону или особенность, сдѣлавшую сильнѣйшее впечатлѣніе на воспріемлемость мыслящаго субъекта; ни въ одномъ языкѣ не найдется ни одного слова, выражающаго вполне всю сущность предмета, къ которому оно относится; отсюда происходитъ то, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть выражаемъ различными коренными словами или такъ называемыми синонимами. Въ одномъ и томъ же языкѣ можетъ быть и дѣйствительно находится множество синонимовъ, относящихся къ одному и тому же предмету, его состоянію или дѣйствию; напр. греческія синонимическія слова: *ἰδεῖν, ὁρᾶν, ὀπτεῖν, βλέπειν, λέωσσειν, σκέπτεσθαι, δέρκεσθαι, θεᾶσθαι*, отъ корней *ιδ, ор, оп, ла, леух, скеп, дерх, та*, означаютъ одно и тоже съ небольшими оттѣнками дѣйствіе какого-нибудь существа, одареннаго способностію зрѣнія, выражаемое на русскомъ языкѣ синонимическими словами: зрѣть, смотрѣть, взирать, глядѣть, видѣть, и т. под. И однако всѣ эти различныя по звукамъ и составу своему слова съ своими корнями не дѣлаютъ изъ одного языка многихъ различныхъ, а принадлежатъ одному и тому же языку. Если теперь мы обратимся къ другимъ отдаленнымъ языкамъ за выраженіями того же самаго дѣйствія и встрѣтимъ у нихъ новые комплексы членораздѣльныхъ звуковъ, напр. въ еврейскомъ—*gah*, въ турецкомъ—*gög*, въ якутскомъ—*кёрь*, въ китайскомъ—*kyän* (кжен), то почему не думать, что въ нихъ заключаются выраженія какихъ-либо другихъ оттѣнковъ того же самаго дѣйствія, которые поэтому и облеклись и должны были облечься другими звуками ¹⁾? На какомъ основаніи можно будетъ считать эти послѣдніе языки существенно отличными отъ первыхъ, если притомъ мы встрѣтимъ въ тѣхъ и другихъ нѣсколько коренныхъ словъ одинаковыхъ и по звукамъ и по значенію, какъ бываетъ во всѣхъ языкахъ, особенно среди такъ называемыхъ ономапопей, т. е. словъ, составленныхъ

¹⁾ Размноженіе языковъ отъ множества синонимовъ допускаютъ многіе филологи: М. Мюллер. ук. стр. 217; Гейзе, ук. соч. стр. 192. *Geogr. Curtius, Grundzüge der griech. Etymolog.* 4 Aufl. Leip. 1873. S. 100.

звуконподражательно, напр. куковать, хохотать, грохотать, шипѣть, свистѣть и т. п., которыя во всѣхъ языкахъ міра представляютъ замѣчательное сходство? Можно подумать, что они владѣютъ только нѣсколькими новыми синонимами, отличными отъ нашихъ, и вообще не составляютъ совершенно различныхъ языковъ. Отсюда видно, что при опредѣленіи существеннаго различія языковъ одни корни сами по себѣ рѣшаютъ дѣло не болѣе того, какъ и одни формальные элементы словъ. „Путь этимологіи, — говоритъ французскій лингвистъ Э. Ренавъ, — есть путь вдвойнѣ обманчивый, во-первыхъ потому, что тожество (и различіе) корней никогда не можетъ быть установлено съ полною точностію среди случайныхъ сходствъ и синонимовъ, которыми бываетъ наполненъ языкъ; во-вторыхъ потому, что изъ тожества (и различія) извѣстнаго числа корней нельзя заключить о начальномъ (originelle) сродствѣ (или несродствѣ) языковъ, которымъ принадлежатъ эти корни, такъ какъ всегда можно спросить, не было ли какого-нибудь заимствованія однимъ отъ другаго... Внутри одного семейства языковъ этимологія дѣйствуетъ съ увѣренностію, а въ отношеніи одного семейства къ другому всякая попытка этимологическаго сближенія ненадежна; здѣсь этимологія остается произвольною игрою, такъ какъ не опредѣлены опытнымъ образомъ тѣ законы, по которымъ звуки измѣняются, переходя изъ одного языка въ другой; знаніе этихъ законовъ въ нѣдрахъ индоевропейскихъ языковъ ¹⁾ даетъ сравнительной филологіи высокую степень достовѣрности; но этимологія арійско-семитическая (равно какъ и прочихъ языковъ, отличныхъ отъ арійскихъ или индоевропейскихъ) не только не обладаетъ подобными правилами, но даже не видно никакой возможности достигнуть по этому предмету чего-нибудь удовлетворительнаго ²⁾.“

3) Если же ни цѣльныя слова въ обыкновенномъ ихъ видѣ, ни составныя ихъ части порознь, формальныя сами по себѣ и ко-

¹⁾ Законъ Гримма объ измѣненіи согласныхъ въ индоевр. языкахъ. См. М. Мюллера, новый рядъ чтеній о языкѣ, Лекц. 5.

²⁾ Histoire générale des lang. Semitiq. Part. 1. Paris. 1855. p. 432 и 441.

ренныя сами по себѣ, не могутъ служить рѣшительнымъ и несомнѣннымъ основаніемъ для опредѣленія существеннаго различія языковъ, то въ чемъ же заключается это основаніе? Въ чемъ можно найти надежную опору, чтобы не растеряться среди многообразной смѣси человѣческихъ говоровъ, нарѣчій, идіомовъ, которыхъ географъ Бальби насчитываетъ до 5,000, а знаменитые лингвисты Максъ Мюллеръ и В. фонъ-Гумбольдтъ полагаютъ безчисленное множество ¹⁾? Чѣмъ держатся классификаціи языковъ, составленныя учеными языковѣдами и введенныя въ ихъ науку? Лингвистика, при помощи сравнительнаго изученія почти всѣхъ языковъ міра, достигла до убѣжденія, что есть между ними глубокое внутреннее различіе, которое состоитъ въ способѣ, какимъ они соединяютъ коренные элементы съ формальными элементами при образованіи конкретныхъ словъ и выраженій. Это своеобразное распоряженіе составными частями рѣчи, придавая тому или другому разряду языковъ особенный типическій характеръ, называемый *морфологическимъ* (отъ *морфѣ*—образъ, типъ), составляетъ самую важную черту для опредѣленія взаимнаго ихъ отношенія. „Сущность языка,—говоритъ А. Шлейхеръ, — основывается на образѣ и способѣ, какимъ значеніе (т. е. знаменательные корни) и отношеніе (т. е. формальные элементы) выражаются въ немъ звуками“ ²⁾. „Отношеніе вещества и формы вообще и его морфологическое выраженіе,—говоритъ Г. Штейнталь,—есть первое двойственное опредѣленіе (*Doppelbestimmung*), по которому слѣдуетъ производить распредѣленіе языковъ“ ³⁾. Тоже утверждаютъ и многіе другіе лингвисты ⁴⁾. Для объясненія этого положенія надобно замѣтить, что при первоначальномъ образованіи языка мыслящій и одаренный словесною способностію субъектъ, вос-

¹⁾ А. Balbi, Abregé de geogr. 3. Ed. Paris, 1842. М. Мюллеръ въ лекціяхъ изд. 1865. стр. 42. В. Гумбольдтъ, въ соч. О различіи организмовъ чел. языка, въ русск. пер. 1859. стр. 178.

²⁾ Die Sprachen Europa's. Bonn. 1850. S. 6.

³⁾ Character. der haupt. Typen des Spr. S. 324.

⁴⁾ М. Мюллеръ, ук. соч. стр. 209. В. Гумбольдтъ, ук. соч. стр. 114. Гейзе, ук. соч. стр. 196.

принимая въѣшнее впечатлѣніе отъ какого-нибудь предмета, прежде всего долженъ былъ означить свое воззрѣніе на этотъ предметъ, или его качество, или его дѣятельность, простымъ, несложнымъ комплексомъ членораздѣльныхъ звуковъ, называемымъ—корнемъ слова; вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ его проявлялись нѣкоторыя особенныя представленія, не заимствованныя отъ внѣ, но присущія самому мышленію человѣка, субъективныя и формальныя представленія противоположностей (категоріи): я и не—я, тамъ и здѣсь, выше и ниже, дѣйствія и причины, единства и множества и т. п., которыя означались особыми комплексами членораздѣльныхъ звуковъ и поставлялись въ отношеніе къ коренному обозначенію даннаго предмета. Затѣмъ могли быть принимаемы во вниманіе и другіе въѣшніе предметы, находящіеся въ какомъ-либо отношеніи къ главному, и, по обозначеніи ихъ новыми звуковыми комплексами, также поставлялись въ отношеніе къ коренному его обозначенію, какъ формальныя его опредѣленія, какъ предикаты къ субъекту. Результатомъ этой духовной и словесной дѣятельности были конкретныя слова, которыя суть не что иное, какъ извѣстныя сочѣтанія коренныхъ и формальныхъ элементовъ рѣчи. Способъ же, какимъ извѣстный языкъ соединяетъ коренное означеніе главнаго предмета ^{въ} воззрѣніи со всѣми формальными его опредѣленіями, и составляетъ то, чѣмъ одинъ языкъ внутренно и существенно отличается отъ другаго, неоднороднаго съ нимъ. Всѣхъ видовъ такого способа по логическимъ соображеніямъ можетъ быть и по лингвистическимъ даннымъ дѣйствительно находится только три: а) корни — вещественный и формальный (или нѣсколько формальныхъ) могутъ образовать слово такъ, что сохраняютъ свою полную самостоятельность; б) корни — вещественный и формальный — могутъ употребляться въ словѣ такъ, что формальный лишается своей самостоятельности, а вещественный остается неизмѣннымъ; и в) корни—вещественный и формальный—могутъ образовать слова такъ, что оба они теряютъ свою самостоятельность, проникаютъ другъ

друга и сливаются въ одну нераздѣльную единицу ¹⁾. На этомъ именно основаніи всѣ существующіе на землѣ языки раздѣляются на три главныхъ, основныхъ или родовыхъ класса (Sprachstamm, Sprachsippe): а) языки, въ которыхъ всѣ корни, входя въ составъ рѣчи, сохраняютъ свой первоначальный видъ, въ которыхъ слѣдовательно нѣтъ различія между корнемъ и его формальнымъ опредѣленіемъ, нѣтъ ни производныхъ приставокъ, ни склоненій, ни спряженій, нѣтъ формальнаго различія между глаголомъ, именемъ существительнымъ и прилагательнымъ и другими частями рѣчи, но каждый корень безъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ измѣненій можетъ быть тѣмъ и другимъ и третьимъ, смотря по мѣсту, какое онъ занимаетъ въ предложеніи, сдѣлаться субъектомъ и предикатомъ и выражать всякія именныя и глагольныя отношенія. Это такъ называемые языки радикальные (состоящіе изъ однихъ вещественныхъ корней), односложные или *изолирующіе*, къ которымъ относятся: китайскій и сродные съ нимъ аннамскій, бирманскій, сіамскій и другіе ниже-индійскіе; б) языки, въ которыхъ корни, служащіе для выраженія отношеній, входятъ въ болѣе близкое соединеніе съ главнымъ корнемъ вещественнымъ, получаютъ видъ приставленныхъ къ нему суффиксовъ, но не измѣняютъ его самого ни въ склоненіяхъ ни въ спряженіяхъ, и не составляютъ съ нимъ одного нераздѣльнаго дѣлаго. Это—языки такъ называемые терминаціонные (измѣняющіеся только на концѣ словъ), приставочные, *агглютинирующіе* (отъ *gluten*, клей), къ которымъ относятся большая часть туземныхъ языковъ Африки, Америки и Австраліи, туранскіе языки ²⁾ въ Азіи, какъ-то: татарскіе, монгольскіе, урало-алтайскіе и тюркскіе съ ихъ производными, и въ Европѣ — баскскій, финскій и венгерскій; в) языки, въ которыхъ корни—вещественный и формаль-

¹⁾ М. Мюллеръ ук. соч. стр. 217. В. Iülg. Ueber Wesen und Aufgabe der Sprachwissenschaft. Innsbr. 1868. S. 7—10.

²⁾ Названіе произошло отъ Тура (Tur), персидскаго баснословнаго сына Феридуна, враждовавшаго противъ брата своего Iredschi. Iolly, ук. соч. S. 471. и Fr. Müller. ук. соч. S. 70. Оно относится и ко всѣмъ языкамъ второй категоріи.

ный—соединяются такъ тѣсно между собою, что теряютъ свою отдѣльную самостоятельность и составляютъ вмѣстѣ одно органическое цѣлое—слово, допускающее при главномъ корнѣ всякаго рода префиксы, инфиксы и суффиксы, и способное видоизмѣняться по всѣмъ грамматическимъ формамъ. Они называются органическими или *флективными*. По различію средствъ, употребляемыхъ ими для составленія этого единства слова изъ вещественныхъ и формальныхъ корней и для выраженія отношеній по склоненіямъ и спряженіямъ, они раздѣляются на два большихъ отдѣла: индо-европейскій или арійскій ¹⁾ и семитическій ²⁾. Языки, принадлежащіе къ послѣднему отдѣлу, имѣютъ ту особенность, что въ каждомъ корнѣ у нихъ находится три согласныхъ буквы, тогда какъ у индо-европейцевъ въ корнѣ бываетъ и одна гласная, и гласная съ согласными—одною, двумя, тремя и четырьмя, разнообразно окружающими гласную; отъ чего коренное значеніе въ семитическихъ языкахъ принадлежитъ исключительно согласнымъ буквамъ, а значеніе формальныхъ отношеній—гласнымъ; и тогда какъ эти отношенія въ индо-европейскихъ языкахъ выражаются болѣе выростаніемъ словъ во внѣшности, въ семитическихъ они выражаются преимущественно внутреннимъ измѣненіемъ согласныхъ буквъ корня посредствомъ разнообразнаго поставленія гласныхъ. Къ первому отдѣлу принадлежатъ языки: индійскій и персидскій или иранскій, греческій и латинскій, германскій и кельтскій, литовскій и славянскій; ко второму—сирскій, еврейскій, арабскій, египетскій и нѣкоторые другіе.—Основное отличіе, свойственное тому или другому изъ этихъ родовыхъ языковъ, такъ важно, что оно сохраняетъ свою силу во всѣхъ языкахъ и діалектахъ, отъ него происшедшихъ, какъ самая глубокая, внутренняя и систематическая ихъ особенность, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно и достаточно обширно для того, чтобы дать мѣсто множеству частныхъ особенностей, отличающихъ производные языки и діалекты.

¹⁾ Названіе — арійскій — отъ санскритскаго слова агуа, благородный, національнаго названія францевъ.

²⁾ Названіе—отъ сына Ноева Сима.

Какъ въ природѣ всякое органическое существо, измѣняя вслѣдствіе своего развитія составныя свои части, остается однако тѣмъ же существомъ, потому что соединеніе, разложеніе и воззоданіе его частей происходитъ подъ одной и той же типической формой, такъ и языкъ можетъ допускать разнообразныя измѣненія во всѣхъ частяхъ своихъ по законамъ физиологическимъ и фонетическимъ, — отъ чего и происходятъ развѣтвленія языковъ, напр. въ семействѣ индо-европейскомъ одного славянскаго на отдѣльные идіомы — русскій, польскій, сербскій и т. д. и каждаго изъ этихъ идіомовъ на свои діалекты, — между тѣмъ индивидуальныи типъ родового языка, состоящій въ извѣстномъ способѣ соединенія вещественныхъ и формальныхъ элементовъ слова, при всѣхъ измѣненіяхъ остается постоянно и столь устойчиво, что ниодна отрасль языка не можетъ отрѣшиться отъ него, не сдѣлавшись иною во всѣхъ отношеніяхъ, не перемѣнивъ всецѣло своего характера. „Какъ бы велики ни были измѣненія языка во многихъ отношеніяхъ,—говоритъ В. фонъ-Гумбольдтъ,—дознано уже, что истинная грамматическая и лексикальная система, весь строй его, остаются тѣже, и что тамъ, гдѣ начинается проявляться различіе въ этой системѣ, тамъ слѣдуетъ полагать начало новаго языка“ ¹⁾.

Открытіе такого основнаго начала различія языковъ, высказанное прежде всѣхъ Вильг. Шлегелемъ ²⁾, и потомъ разъясненное и формулированное Боппомъ, В. Гумбольдтомъ, Поттомъ, Шлейхеромъ и другими, составляетъ истинное приобрѣтеніе науки. Оно не только представляетъ твердое основаніе для классификаціи языковъ, но и даетъ вѣрное средство для опредѣленія относительнаго ихъ достоинства и преимущества однихъ предъ другими. Тѣ языки, которые остановились на словесныхъ корняхъ и не допускаютъ даль-

¹⁾ Письмо къ А. Ремюза о характерѣ грамм. формъ вообще и о геніи китайскаго языка воособенности, стр. 72 (Филол. Зап. 1875. Вып. II и III. стр. 51).

²⁾ Въ сочиненіи: *Observations sur la langue et literature provençales*. Paris. 1818. p. 14; впрочемъ съ указаніемъ на сочиненіе брата его Фр. Шлегеля: *Über die Sprache und Weisheit der Indier*. 1808.

нѣйшаго развитія внѣшней и внутренней ихъ формъ (индо-китайскіе), занимаютъ самую низшую степень; напротивъ тѣ, которые образуютъ изъ данныхъ звуковыхъ матеріаловъ крѣпко сплоченныя словесныя единицы, способныя стройно измѣняться и ясно выражать всѣ отношенія словъ и цѣлыхъ предложеній, стоятъ на самой высшей, совершеннѣйшей степени (индо-европейскіе). Но, къ сожалѣнію, это научное открытіе сопровождается у новѣйшихъ лингвистовъ такимъ неожиданнымъ выводомъ, который, можно сказать, составляетъ черное пятно на свѣтлой одеждѣ лингвистической науки, выводъ касательно причины, отъ которой могло произойти столь рѣзкое внутреннее различіе человѣческихъ языковъ. Галльскій профессоръ Поттъ, указывая на это различіе, сказалъ: „одна многочисленность человѣческихъ идиомовъ отнюдь не утратила бы меня въ смѣломъ предпріятіи—приписать имъ *генетически* единичное (*genetisch einheitlich*) происхождение; но при безконечномъ внѣшнемъ разнообразіи внутренняя совершенно непримиримая (*schlechthin unvereinbar*) форма языковъ не позволяетъ мнѣ съ научнымъ убѣжденіемъ вѣрить даже только въ возможность этого; напротивъ моя литературная совѣсть принуждаетъ меня громко заявить: разъясненіе того, какъ много первобытныхъ и въ основаніи различныхъ (*grund-und unverschiedene*) началъ, къ которымъ восходятъ человѣческіе языки, разъясненіе этого съ нѣкоторою увѣренностію можетъ быть только заключительнымъ камнемъ продолжительной, трудной и обдуманной работы, но—есть различныя, *генеалогически* и совершенно независимыя другъ отъ друга языки“¹⁾, т. е. нынѣ существующіе языки не имѣютъ одного начала въ первобытномъ языкѣ человѣчества, но предполагаютъ различныя начала и вмѣстѣ съ тѣмъ различныя виды самаго человѣчества. Эта мысль, сходная съ мыслию полигенистовъ, допускающихъ различныя породы или расы человѣчества въ самомъ началѣ его существованія, съ большею ясностію высказана потомъ другими лингвистами.

¹⁾ Die Ungleichheit menschlichen Rassen hauptsächlich von sprachwiss. Standpunct. Lemgo. 1859. S. 242.

Такъ Гейзе въ своей Системѣ языковѣдѣнія говоритъ: „по нынѣшнему взгляду естествовѣдѣнія и языковѣдѣнія, мы принимаемъ первоначальное различіе человѣческаго рода, а въ связи съ тѣмъ и исконное различіе первоначальныхъ языковъ, такъ что радикальное различіе языковъ первоначально должно было согласоваться съ различіемъ породъ, т. е. первоначально различныхъ человѣческихъ племенъ“ ¹⁾. Затѣмъ А. Шлейхеръ, признавая невозможнымъ чтобы главные родовые языки имѣли общій корень, и доказывая, что они служатъ признаками расовыхъ отличій человѣчества, выражается такъ: „языкъ есть признакъ человѣка, какъ человѣка (въ отличіе отъ животныхъ), и слѣдовательно разные оттѣнки языка суть характеристическіе признаки разныхъ оттѣнковъ человѣка“ ²⁾. И Э. Ренанъ въ своихъ лингвистическихъ сочиненіяхъ неоднократно утверждаетъ, что „языкъ зарождался въ различныхъ дѣленіяхъ человѣческаго рода“, что онъ „образовался по многимъ несходнымъ типамъ, и число коренныхъ языковъ могло быть довольно значительно“, такъ, что „каждое семейство языковъ произошло отъ генія каждой расы“ ³⁾ и т. под. Страннымъ представляется, что филологи, которые не очень давно выставляли на видъ единство языка во всемъ человѣческомъ родѣ, какъ твердое доказательство противъ теоріи естествоиспытателей-полигенистовъ ⁴⁾, впоследствии сами стали допускать и доказывать противоположное мнѣніе; однако это случилось; мнѣніе высказано ясно и положительно; и хотя оно раздѣляется не всѣми филологами, но и названныхъ именъ достаточно для того, чтобы обратить на него вни-

¹⁾ System der Sprachwiss. Въ русскомъ переводѣ «Филол. Зап.» 1864. Вып. III. стр. 198 и 199.

²⁾ Ueber die Bedeut. der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen. Weim. 1865. Въ русск. пер. «Филол. Зап.» 1868. Вып. I. стр. 8 и 9. Ср. его же Die Darwinische Theorie und die Sprachwiss. Wien. 1863. S. 21. Въ русскомъ пер. «Библиот. для Чтенія». 1864. Апрель.

³⁾ Sur l'origine du langage. Paris. Въ русскомъ пер. «Филол. Зап.» 1865 и 1866 г. стр. 45, 88 и 110. Ср. его же Hist. génér. des lang. Semit. p. 446.

⁴⁾ А. Картфажа, Естест. Исторія человѣка, въ русск. переводѣ 1862 г. стр. 342.

маніе и сказать объ немъ нѣсколько словъ для разъясненія вопроса о происхожденіи различныхъ языковъ на землѣ.

Ученіе о коренномъ различіи человѣческихъ расъ у полигенистовъ основывается на такихъ нетвердыхъ данныхъ, что оно не выдерживаетъ критики. Безпристрастная естественная исторія чловѣка доказала, что нѣкоторыя особенности нынѣшнихъ отдѣльныхъ племенъ человѣческихъ естественно могли произойти отъ второстепенныхъ причинъ, — переселеній народовъ, климатическихъ разностей, образа жизни и другихъ условій, постепенно измѣнявшихъ внѣшній видъ людей, но вполне объяснимыхъ при единствѣ чловѣческаго рода ¹⁾. Слѣдовательно—относить различные языки къ различнымъ расамъ значитъ отсылать къ воображаемымъ народамъ, которыхъ существованіе не достовѣрно; это несогласно съ достоинствомъ точной науки, тѣмъ болѣе, что если бы чловѣчество въ самомъ началѣ состояло изъ различныхъ породъ, не имѣющихъ между собою кореннаго родства и единства, то разнообразіе языковъ совпадало бы съ разнообразіемъ этихъ породъ; нѣтъ никакихъ основаній и совершенно неестественно предполагать, чтобы двѣ или три различныя и съ самаго начала независимо развивавшіяся чловѣческія породы выработали одинъ языкъ, или наоборотъ, одна порода развила два или три кореннымъ образомъ различныхъ языка. Между тѣмъ въ дѣйствительности морфологическая разность языковъ не сходится съ нынѣшнею разностію чловѣческихъ племенъ; языкъ одного народнаго племени нерѣдко встрѣчается у народовъ другаго племени. Такъ всѣ антропологи согласны въ томъ, что индо-германскіе, семитическіе, кавказскіе и баскскій народы принадлежатъ къ одному и тому же племени, называемому средиземнымъ (*mittelländisch*), а всѣ языковѣды твердо убѣждены въ томъ, что индо-европейскіе, семитическіе, кавказскіе и баскскій языки не сродны между собою. Внутри одного ин-

¹⁾ «О единствѣ чловѣческаго рода». Ст. въ Праб. къ Твор. Св. Отцезъ, 1852—1854 г. «Чловѣкъ—царь и рабъ природы», ст. въ Праг. Обзор. 1878 г. за сентябрь и ноябрь, по поводу новаго сочиненія Картфажа: *L'espèce humaine*.

до-европейскаго семейства языковъ, распространеннаго отъ индіи до исландіи, находятся столь рѣзкія народныя особенности, какъ получерный индусъ и бѣлокурый житель британскихъ острововъ. И внутри одного семитическаго семейства языковъ живутъ арабы, раздѣляющіеся на весьма отличныя другъ отъ друга породы кавказскую и еіопскую. Осѣдлый турокъ-османли принадлежитъ къ кавказскому племени, между тѣмъ природный языкъ его принадлежитъ къ семейству языковъ не индо-европейскому, а къ тому, которымъ говорятъ татарско-тюркскія племена такъ называемой монгольской расы. Живущіе въ Европѣ баски и венгерцы въ фізіологическомъ отношеніи не отличны отъ индо-европейцевъ, между тѣмъ языки ихъ по свойству своему принадлежатъ къ туранскимъ. Еще больше народныхъ разностей въ этомъ послѣднемъ семействѣ языковъ (туранскомъ), разсѣянномъ по всѣмъ сѣвернымъ и южнымъ областямъ земнаго шара и спорадически вторгающемся въ области другихъ семействъ. Такъ обр. фізіологическія разности народовъ не препятствуютъ имъ быть родственными по языку, и наоборотъ, сродство языковъ не всегда доказываетъ фізіологическое сродство народовъ. Отсюда можно заключить, что естественныя причины, вліявшія на происхожденіе разнообразія въ племенахъ человѣческихъ, не вліяли равномерно и на происхожденіе различныхъ языковъ, и, надобно прибавить, не могли вліять съ такою силою, какая нужна была бы для образованія столь важнаго различія, каково морфологическое строеніе языковъ. Какая физическая причина, какая разновидность въ цвѣтѣ кожи или наружномъ устройствѣ черепа могли произвести существенное различіе въ умственномъ актѣ сочетанія коренныхъ и формальныхъ элементовъ рѣчи въ словахъ и выраженіяхъ? Допустить это значило бы допустить дѣйствіе, несравненно большее причины,—въ чемъ нѣкоторое затрудненіе невольно выражается даже у самихъ лингвистовъ, держащихся мнѣнія о полигенизмѣ человѣческаго рода. Такъ вышеупомянутый А. Шлейхеръ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „образованіе черепа и другія такъ называемыя расовыя различія непостоянны; напротивъ того языкъ служитъ всегда при-

знакомъ вполне постояннымъ; итакъ, по нашему мнѣнію, внѣшне-видимая форма черепа, строеніе лица и тѣла вообще для человѣка менѣе существенны, нежели то не меньше матеріальное (?), но безконечно тончайшее качество, симптомомъ котораго является языкъ; естественная система языковъ, по моему убѣжденію, есть въ тоже время и естественная система человѣчества“¹⁾).

Но для раздѣленія человѣчества на расы по различнымъ языкамъ лингвисты не имѣютъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ внутренняго строя самыхъ языковъ. Если же мы обратимся къ этому строю, то въ немъ найдемъ немало основаній не къ раздробленію существующихъ языковъ, слѣдов. и человѣческаго рода, а къ сближенію и объединенію. Изъ предъидущихъ изслѣдованій видно, что ни конкретныя слова въ цѣльномъ ихъ видѣ, ни составныя части словъ—формальныя сами по себѣ и коренныя сами по себѣ,—не представляютъ рѣшительныхъ доказательствъ существеннаго различія языковъ. Главное отличіе—морфологическое—дѣйствительно проводитъ рѣзкую черту между ними, такъ что, съ систематической точки зрѣнія, языки въ одно и тоже время не могутъ находиться въ двухъ или трехъ состояніяхъ морфологическаго развитія; но оно не исключаетъ возможности быть какому-нибудь языку въ томъ или другомъ состояніи въ разное время; напротивъ и въ настоящемъ видѣ и въ историческомъ развитіи языковъ встрѣчается не мало доказательствъ этой возможности.—Первымъ доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что не всѣ языки земнаго шара по своему лексикальному и грамматическому строю находятъ исключительное мѣсто въ томъ или другомъ родовомъ отдѣлѣ, но извѣстно нѣсколько такихъ языковъ, которые составляютъ промежуточныя степени между этими отдѣлами и только болѣе или менѣе приближаются къ тому или другому главному типу. Отъ одно-

¹⁾ Въ русск. перев. «Филол. Зап.» 1868. Вып. I. стр. 8. По этимъ соображеніямъ Вѣнскій профессоръ Fr. Müller (указ. соч. S. 74) недавно представилъ свою генеалогическую классификацію языковъ, раздѣливъ ихъ, а по нимъ и человѣчскій родъ, на 12 разныхъ группъ.

сложнаго и изолирующаго языка китайскаго до флексивнаго въ высшей степени санскритскаго есть много переходныхъ формъ, о которыхъ нельзя съ рѣшительностію сказать, къ какому изъ этихъ предѣловъ они подходятъ ближе по своей конструкціи; особенно много такихъ формъ въ семействѣ агглютинирующихъ, туранскихъ. Тибетскій языкъ по свойству своему занимаетъ мѣсто между изолирующими и агглютинирующими. Kawi, древній священный языкъ жителей Явы, по грамматическимъ формамъ относится къ малайскимъ, а по лексикальной части приближается къ санскритскому ¹⁾. Языкъ Pehlwi, отрасль персидскаго, въ лексикальной части весьма близокъ къ семитическимъ, а въ грамматической—къ индо-европейскимъ. Языкъ абиссинскихъ арабовъ по запасу своихъ словъ сроденъ съ африканскими, а по грамматической конструкціи стоитъ на ряду съ семитическими. Турецкій языкъ по лексикальному составу сближается съ индо-европейскими и семитическими, а по грамматическимъ формамъ относится къ татарскому ²⁾. Финскій языкъ близко подходитъ къ языкамъ индо-европейскимъ по многимъ формамъ настоящей флексіи, но въ другихъ отношеніяхъ не отступаетъ отъ сродныхъ ему татарскихъ языковъ ³⁾, спрягаетъ по—санскритски, а склоняетъ по—алтайски. Если бы до настоящаго времени лингвистика изслѣдовала гораздо больше языковъ, нежели сколько разсмотрѣно ею, то по всей вѣроятности примѣровъ такихъ переходныхъ идиомовъ оказалось бы гораздо больше. Этимъ объясняется неполное согласіе между классификаціями языковъ, принадлежащими разнымъ лингвистамъ. Кромѣ вышеизложенной классификаціи, принадлежащей главнымъ образомъ Потту и Шлейхеру, есть на примѣръ, классификація знаменитаго Боппа ⁴⁾, который относилъ всѣ языки туранскіе и индо-европейскіе къ одной категоріи языковъ съ односложными кор-

¹⁾ W. Humboldt, Über-Kawisprache. 1836. Enl. S. XVI.

²⁾ E. Renan, Histoire des langues Semit. p. 398 и 430.

³⁾ Гейзе ук. соч. стр. 212. Steintal, Die Classification der Sprachen, dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berl. 1850. S. 86.

⁴⁾ Die Vergleichende Grammatik. S. 112.

нями, способныхъ къ составленію сложныхъ словъ и почти только этимъ путемъ создающихъ свой организмъ, въ отличіе отъ двухъ крайнихъ разрядовъ — индо-китайскаго и семитическаго. Между тѣмъ В. фонъ-Гумбольдтъ во всей извѣстной области языковъ диаметрально противопоставлялъ а) языкъ китайскій, не имѣющій фонетическаго выраженія для грамматическихъ отношеній—отдѣля отъ него другіе индо-китайскіе, какъ болѣе развитые съ этой стороны, и б) языки индо-европейскіе, выражающіе грамматическія отношенія настоящими флексивными формами; а всѣ прочіе языки поставлялъ между этими двумя крайностями, какъ не вовсе лишенные грамматическихъ обозначеній, однако не имѣющіе истинной флексіи ¹⁾). Вообще между четырьмя главными родовыми отдѣлами языковъ стоятъ еще другіе переходные, которые даютъ основаніе заключать, что и эти родовые не совершенно, не „непримимо“ отдѣлены другъ отъ друга, но составляютъ только главнѣйшія звѣнья въ цѣлой цѣпи языковъ человѣческихъ.—Во вторыхъ, при всей разности внутренняго строя языковъ вслѣдствіе ихъ морфологическаго различія, во всѣхъ нихъ представляются немаловажныя черты сходства въ исполненіи нѣкоторыхъ общихъ требованій при построеніи словъ и выраженій. Такъ въ языкахъ изолирующихъ всѣ отношенія главнаго корня означаются разнообразною обстановкою его другими корнями вмѣсто формальныхъ приставокъ, употребляемыхъ въ другихъ языкахъ. Въ агглютинирующихъ языкахъ эти приставки употребляются болѣе открытымъ образомъ и не сливаются съ корнемъ; а въ языкахъ флексивныхъ онѣ сливаются съ нимъ такъ, что трудно принять ихъ за реальные элементы слова. Но лингвистическій анализъ можетъ показать и въ послѣднихъ такой же процессъ наростанія главнаго корня, какой дѣлается въ первомъ и второмъ разрядѣ языковъ. Китайское слово: ³wo-⁴men-¹hiо-²leao и латинское ¹stud-²ui-³mu-⁴s (мы занимались)—содержать въ себѣ различные звуковые комплексы, но

¹⁾ Ueber Kawispr. Einleit.

одинаковыя по числу и значенію категорій: 1) главнаго понятія, 2) прошедшаго времени, 3) перваго лица и 4) множественнаго числа. Японскаго языка (изъ туранскихъ) слово: *wage-wage-mi-ta* (мы ви-дѣ-ли) содержитъ въ себѣ четыре части: *wage*—я, *wage-wage*, удвоеніе мѣстоименія перваго лица въ знакъ множественности (мы), *mi*—понятіе: видѣть, *ta* — означеніе прошедшаго времени. И греческое слово: *ἐ-πέ-πει-με-ς* (мы у-вѣри-лись) состоитъ изъ *πει*— глагольнаго корня, *πε* — удвоенія корня въ знакъ совершеннаго дѣйствія, *ε* — приращенія въ знакъ прошедшаго времени, *με* — личнаго мѣстоименія: я, и *ς* — означенія (дорич.) множест. числа (*μες* — мы). Такимъ образомъ при звуковомъ различіи корней и формальныхъ означеній вся разность грамматическаго построенія состоитъ или въ поставленіи ихъ не въ одинаковомъ порядкѣ или въ большемъ или меньшемъ совокупленіи подъ одну категорію, по характеру каждаго языка. Въ языкахъ семитическихъ господствуетъ система означенія формальныхъ отношеній посредствомъ измѣненія корня чрезъ постановку различныхъ гласныхъ; напри-мѣръ въ Еврейскомъ: *katal* — убилъ, *kátel* — убійца, *katol* — убивать, *k'tol* — убей, *kótel* — убивающій, *ketel* — убійство. Въ языкахъ индо-европейскихъ и другихъ есть много случаевъ такого же образова-нія именныхъ и глагольныхъ формъ; напри-мѣръ въ нѣмецкомъ: *lauf, lief, Vater, Väter, hatte, hätte, Band, Bund, binden, ge- bunden, geben, gab, gibst*; въ греческомъ: *τίκτω, τέξω, τέτοχα, φδέιρω, φδεῖω, ἔφδωρα, ἐφδάρην, μέιρομαι* (кор. *μερ*), *ἔμμορα, ἔμμορται*; въ русскомъ: творить, тварь, сидѣть, сѣлъ, сядь, стать, стой, столъ, стулъ и т. под. Въ манджурскомъ языкѣ (изъ туранскихъ) твердое *a* означаетъ мужескій родъ, а слабое *e* женскій; отъ того *ama* — отецъ, *eme* — мать, или два противо-положныхъ дѣйствія: *wasi* — исходить, *wesi* — восходить и т. п. Не умножая примѣровъ вообще можно сказать, что не только въ семитическихъ, но и въ другихъ языкахъ измѣненіе гласныхъ буквъ корня съ прибавленіемъ немногихъ прономинальныхъ и ад-вербіальныхъ суффиксовъ есть одно изъ верѣдкихъ средствъ къ

измѣненію смысла и грамматическихъ отношеній словъ. Такое сходство всѣхъ языковъ въ исполненіи нѣкоторыхъ требованій при построении рѣчи дѣлаетъ довольно вѣроятнымъ мнѣніе тѣхъ лингвистовъ, которые приписываютъ языкамъ, стоящимъ на низшей степени морфологической, возможность—достигать до высшихъ степеней, а касательно высшихъ болѣе или менѣе флексивныхъ допускаютъ, что они въ свое время прошли предшествующія степени, пока наконецъ достигли своего настоящаго состоянія. Максъ Мюллеръ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „тотъ фактъ, что языки, разъ установившіеся, не измѣняютъ своего грамматическаго строенія, не можетъ послужить доказательствомъ противъ нашей теоріи, т. е. что каждый флексивный языкъ нѣкогда былъ приставочнымъ, а каждый приставочный—односложнымъ. Я называю это теоріею, но оно болѣе, чѣмъ теорія; ибо это единственный возможный путь, которымъ могутъ быть объяснены явленія въ санскритскомъ или какомъ-либо другомъ флексивномъ языкѣ. Въ отношеніи къ формальной части языка мы не можемъ миновать заключенія, что языки, нынѣ флексивные, были прежде приставочными (агглютинирующими), а тѣ, которые нынѣ приставочные, коренными (изолирующими)¹⁾.— Въ третьихъ, историческое развитіе нынѣ существующихъ языковъ служить доказательствомъ того, что они могутъ въ разное время находиться въ томъ или другомъ морфологическомъ состояніи. Послѣ того, какъ нѣкоторые изъ нихъ достигли высшаго флексивнаго строя, который обыкновенно называется *синтетическимъ* влѣдствіе тѣснаго взаимнаго проникновенія коренныхъ и формальныхъ элементовъ слова, для нихъ начинается новая стадія развитія, такая, которая болѣе и болѣе уподобляетъ ихъ предшествовавшему состоянію агглютинаціи и даже изолированія. Грамматическія формы до такой степени сокращаются и ослабляются, что даже перестаютъ быть простыми символами отношеній, теряютъ всякое значеніе въ соеди-

¹⁾ Лекція по наукѣ о языкѣ, 1865. стр. 252. Также допускаютъ Бунзень въ соч. *Outlines of philosophy of universal history*. Lond. 1854. Т. II. р. 73 et c. lolly—указ. соч. S. 403. и нѣкоторые другіе.

ненія съ корнемъ и совершенно отбрасываются; языкъ почти совсѣмъ теряетъ разнообразіе склоненій именъ и спряженій глаголовъ и оказывается въ необходимости — замѣнять эти грамматическія формы отдѣльными частицами, предлогами, членами и т. п.; во всемъ построеніи языка начинаетъ господствовать стремленіе, прямо противоположное прежнему: вмѣсто того, чтобы совокуплять знаменательные корни и знаки отношеній по возможности въ единство слова, въ языкѣ преобладаетъ стремленіе—дать этимъ знакамъ отношеній по возможности отдѣльное положеніе; вмѣсто прежняго синтеза многихъ элементовъ въ одну форму господствуетъ *анализъ* одной формы на множество отдѣльныхъ словъ; вслѣдствіе чего всѣ словесныя выраженія даже наружно приближаются къ формѣ языковъ односложныхъ. Такимъ анализомъ или дезорганизаціей отличаются нынѣшнія германскія¹⁾ и романскія нарѣчія, особенно же языки англійскій и сѣвероамериканскій, которые по множеству односложныхъ словъ, составляющихъ предложенія, и по крайней ограниченности синтаксическихъ формъ, приближаются къ состоянію языковъ изолирующихъ, первобытныхъ¹⁾. Мы не можемъ сказать, достигнетъ ли это приближеніе въ какомъ-либо изъ индо-европейскихъ языковъ до совершеннаго тождества съ индо-китайскимъ, но можемъ сдѣлать заключеніе, что, значить, въ природѣ самыхъ языковъ есть внутренняя способность и возможность какъ восходить изъ состоянія изолированія составныхъ частей слова къ флексіямъ, такъ и обратно нисходить изъ этого высшаго состоянія въ первоначальное; и слѣдовательно всѣ языки человѣческіе отнюдь не столько разобщены между собою по своей природѣ, чтобы по ихъ настоящему различію отвергать единство ихъ происхожденія, или предполагать для нихъ нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга источниковъ въ различныхъ человѣческихъ расахъ.

Если же предположеніе о матеріальной разности человѣческихъ породъ для объясненія различія языковъ не можетъ быть принято

¹⁾ Гейзе ук. соч. Филол. Зап. 1864. Вып. IV. стр. 266 и д.

по свойствамъ и явленіяхъ самыхъ языковъ, то положительная причина внутренняго ихъ различія должна находиться внѣ сферы однихъ физическихъ причинъ. Языкъ человѣческой не есть только физико-органическое явленіе, не есть простой крикъ животнаго или механическое подражаніе звукамъ внѣшней природы; онъ есть разумно—свободное проявленіе человѣческаго духа посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ; и потому причина неодинаковости такого проявленія у разныхъ народовъ должна заключаться преимущественно въ человѣческомъ духѣ. Впрочемъ объясненіе этой причины принадлежитъ не одной лингвистикѣ, какъ наукѣ о языкѣ въ самомъ себѣ, но и другимъ наукамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ духовную дѣятельность человѣка. Съ этой стороны дѣйствительно и сдѣланы попытки объясненія, примыкающія къ двумъ главнымъ взглядамъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ философу-лингвисту В. фонъ-Гумбольдту, а другой психологу-лингвисту Г. Штейнталу. Гумбольдтъ, раскрывая понятіе о внутренней формѣ языка, которой соотвѣтствуетъ внѣшняя звуковая форма слова, полагаетъ въ основаніе первой общіе законы мышленія, которые выражаются въ языкѣ звуковыми средствами. Мышленіе и языкъ предполагаютъ другъ друга; и такъ какъ содержаніе мышленія, доставляемое чувственными возрѣніями, обращается самостоятельной силою духа въ понятія по логическимъ законамъ мышленія, то оно выражается и въ языкѣ согласно съ законами логики; какъ языкъ съ мыслию, такъ и грамматика съ логикою стоятъ въ тѣсной связи. Если же категоріи языка основываются на категоріяхъ логическихъ, а категоріи логическія всегда и у всѣхъ людей должны быть одинаковы, то представляется вопросъ, отъ чего при такомъ условіи существуетъ рѣзкое различіе между языками? Разрѣшая вопросъ именно по отношенію къ морфологическому ихъ различію по изолированію, агглютинаціи и флексіи, этому „полюсу, вокругъ котораго вращается совершенство или несовершенство образованія языковъ“, Гумбольдтъ говоритъ: „внутреннее образованіе словъ совершается посредствомъ двѣхъ дѣйствій совершенно различнаго свойства—обозначенія по-

нiтiя (кореннаго слова) и еще особеннаго дѣйствiя ума, которымъ это понятiе ставится въ извѣстную категорiю мышленiя или рѣчи (формальная часть слова); полный смыслъ слова образуется только совокупностiю обоихъ дѣйствiй—выраженiемъ понятiя и обозначенiемъ его опредѣленiя... Когда задача этого дѣйствiя понимается чисто и глубоко и когда она крѣпко связана съ существомъ языка, тогда и въ языкѣ завязывается дѣятельность, которую приводятся въ надлежащее слiянiе и подчиненiе всѣ его стихiи... Такъ какъ требованiй этой задачи собственно ни одинъ языкъ, въ своемъ внутреннемъ образованiи, не можетъ совершенно пренебречь, то естественно, что языки не въ одинаковой степени удовлетворяютъ имъ; даже и въ тѣхъ языкахъ, гдѣ сознание этой задачи достигается внѣшняго выраженiя, бываетъ разница въ глубинѣ и живости, съ какою они дѣйствительно восходятъ до первоначальныхъ категорiй мышленiя и даютъ имъ то или другое значенiе въ ихъ связи; потому что эти категорiи, въ отношенiи другъ къ другу, составляютъ связанное цѣлое, которое въ своей систематической полнотѣ обнаруживается въ языкахъ болѣе или менѣе¹⁾. Такимъ образомъ, по взгляду Гумбольдта, различiе языковъ, какъ по внѣшней такъ и по внутренней формѣ ихъ, основывается на степенномъ различiи категорическихъ схемъ, заключающихся въ ихъ построенiи, опредѣляется тою мѣрою, въ какой они выражаютъ общiя категорiи мышленiя въ своихъ частныхъ формахъ.—Г. Штейнталь, не вполне раздѣляя мысль о выраженiи во всѣхъ человѣческихъ языкахъ чистыхъ категорiй мышленiя, утверждаетъ, что въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ проявляется особенная система мышленiя, свойственная тому или другому народу, „опредѣленная народная логика“, такъ что грамматическiя формы того или другаго языка соотвѣтствуютъ не общимъ и отвлеченнымъ логическимъ категорiямъ, а только собственнымъ воззрѣнiямъ извѣстнаго народа. „Языкъ, говоритъ онъ, — не тождественъ съ мышленiемъ, но

¹⁾ О различiи организмовъ чело. языка, пер. Билярскаго, Спб. 1859. стр. 87 и 114.

есть опредѣленный образъ мышленія, есть обособленіе его, или есть мышленіе въ опредѣленной формѣ частнаго народнаго воззрѣнія“. Этимъ прежде всего обусловливается и объясняется различіе человѣческихъ языковъ по различію воззрѣній народовъ, но не исключается и внутренняя связь ихъ при всемъ разнообразіи; потому что самыя воззрѣнія народа, при своемъ проявленіи въ словесныхъ формахъ, слѣдуютъ одному общему направленію, подчиняются вліянію общей, присущей всемъ народамъ, „идеи языка“, или стремленію — выразить все содержаніе своихъ воззрѣній языкомъ и внятнымъ образомъ. И такъ какъ эта „идея языка“ есть такой идеаль, котораго осуществленіе не можетъ совершаться вдругъ и всеми народами одинаково, то онъ и выражается въ формахъ того или другаго языка только въ большей или меньшей степени; различіе языковъ по отношенію къ этой идее есть степенное различіе ея осуществленія. „Задача классификаціи языковъ, — говоритъ Штейталь, — состоитъ только въ томъ, чтобы представить выражающійся въ различныхъ языкахъ прогрессъ (Fortschritt), каковыя народы осуществляютъ идею языка. Какъ различные виды произведеній природы суть различныя степени одного постепеннаго развитія, такъ различные языки народовъ суть степени проявленія „идеи языка“ челоѣчества. Вся природа образуетъ совокупный организмъ, котораго члены суть царства природы; такъ и все языки образуютъ совокупный организмъ „идеи языка“ и суть его члены. Она живетъ въ этихъ членахъ вполнѣ, хотя и разчленяется въ каждомъ порознь; она есть дерево, которое раздѣляется во все стороны и разнообразно связываетъ между собою все вѣтви, оканчиваясь одною общою вершиною. Такъ въ раздѣленіи языковъ проявляется лѣстница степеней одной „идеи языка“ въ ея цѣлости и величій; но въ отдѣльныхъ случаяхъ часто бываетъ невозможно опредѣлить, какая это степень; каждыя вѣтвь съ различныхъ сторонъ такъ соприкасается съ другою, что часто о двухъ можно сказать только, что онѣ по своей внутренней природѣ влѣ

или ниже одна другой“¹⁾). Такимъ образомъ и по этому взгляду происхожденіе языка съ его различными формами относится къ духовной сторонѣ человѣка, въ которой зараждаются и живутъ всѣ общія и плодотворныя идеи.

Видите, М. Г., какъ въ глубинѣ человѣческаго духа, существенно сроднаго у всѣхъ человѣческихъ личностей, заключаются основанія единства всѣхъ существующихъ языковъ, не смотря на значительныя разности ихъ у различныхъ народовъ; и если бы никто изъ ученыхъ лингвистовъ не терялъ изъ виду этихъ основаній, то вѣроятно никогда не появились бы гипотезы, подобныя вышесказанной. Будемъ надѣяться, что такая положительная и точная наука, какова лингвистика, въ своихъ заключеніяхъ не будетъ игнорировать другія высшія науки о природѣ человѣка и въ трудныхъ вопросахъ о явленіяхъ этой природы станетъ соображаться и съ ихъ положеніями. Будемъ питать надежду, что она не остановится на своихъ отрицательныхъ выводахъ, противныхъ и вѣковымъ преданіямъ народовъ и указанію Слова Божія о единствѣ человѣческаго рода и языка, но рано или поздно представитъ блистательныя доказательства и разъясненія священныхъ словъ, изреченныхъ въ лѣтописи Виблейской: *на всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе*; и возстали жители земли противъ Бога, замысливъ *построить башню, выотою до небесъ*; и сказалъ Господь: *вотъ одинъ народъ и одинъ у всѣхъ языкъ, и вотъ, что начали они дѣлать; сойдемъ же и смѣшаемъ языкъ ихъ, такъ чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго. И разсыпалъ ихъ Господь оттуда по всей землѣ* (Быт. XI, 1—8).

Е. Ловягинъ

¹⁾ Characterist. der haupt. Typen. des Spr. S. 102—106. Гумбольдтъ также указывалъ на «природное настроеніе умственныхъ силъ народа» и на общее человѣчеству «стремленіе раскрыть полноту идеи языка въ дѣйствительности», какъ имѣвшія вліяніе на различіе языковъ (ук. соч. стр. 11 и 48); но не раскрылъ съ достаточною ясностію отношеніе ихъ къ проявленію логическихъ категорій въ языкахъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки